PG 3337
.I8 Z77

1818

LIBRARY OF CONGRESS
00005120603

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ВОСПОМИНАНІЕ

о Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Ивановѣ (*).

Нѣтъ ничего прискорбнѣе, какъ воспоминаніе объ утратѣ друга, котораго память столько еще свѣжа между нами, и котораго почтенной прахъ еще не охладѣлъ въ могилѣ. Съ томительнымъ принужденіемъ сердце мое рѣшилось говорить объ немъ; съ тягостію оживляетъ оно въ грустныхъ мечтаніяхъ тѣ пріятныя удовольствія, которыя почерпало въ его недавнихъ бесѣдахъ, теперь, какъ умершія; горестно воспоминаетъ занятія свои, какъ прерванныя навсегда; мечтанія, какъ разрушенныя; любезное свое настоящее, какъ прошедшее, которое оставило слѣдъ свой только въ осиротѣвшихъ душахъ друзей его. — Но сіи бесѣды все еще живы и пріятны для меня, какъ бесѣды вчерашнія. — Кажется, что и теперь вижу я моего друга; кажется, что онъ сидитъ подлѣ меня въ семъ почтенномъ Сословіи, разговаривающій, совѣтующій, читающій свое произведеніе; что вы всѣ, любезные Члены, вмѣстѣ со мной его слышите, и

(*) Читано въ 21мъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, бывшемъ 1816 года Октября 28 го дня.

PG3337
.I8Z77
1818

съ нимъ совѣщаете о предметахъ Общества, которому столько былъ онъ преданъ, для котораго столько по силамъ своимъ трудился, въ которомъ почти всякой былъ его другъ и товарищъ по ученью или по службѣ. Честь быть Членомъ сего Общества предпочиталъ онъ всѣмъ честямъ на свѣтѣ, и неоднократно признавался, что если бы обстоятельства повлекли его изъ Москвы, то онъ сталъ бы единственно жалѣть о томъ, что лишается удовольствія бесѣдовать съ нами. — Сей любезный человѣкъ преждевременно отнятъ у насъ навсегда судьбою неумолимою!.... Кто назначитъ возрастъ молодымъ дубамъ, растущимъ въ крѣпость и силу посреди семейственной своей рощи? — Ударитъ быстро, внезапно, неотразимо погибельный вѣтеръ и въ яростномъ своемъ стремленіи открываетъ дорогу изъ вырванныхъ съ корнями деревъ; — жалобно шумитъ роща, нечаяннымъ порывомъ обнаженная, ожидающая себѣ подобной же участи, рано, или поздно долженствующей послѣдовать... Судьбы непостижимы!.... Благоговѣніе предъ Неизглаголаннымъ! — Любовь и дружба должны, укрѣпясь вѣрою и надеждою, почтить и облобызать слѣды Его священныхъ и таинственныхъ дѣйствій, почтить и утѣшить самихъ себя воспоминаніемъ не ропщущимъ, но сладостнымъ, о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя мы потеряли; — это безгрѣшно, невинно предъ очами Бога и назидательно предъ человѣками. — Это есть нѣкоторымъ обра-

89-123128

зомъ средство соединять себя съ невозвратимыми, возвращать утраченное, жить въ сообществѣ съ будущимъ міромъ, населеннымъ друзьями, милыми нашему сердцу.

Исполняя съ сердечнымъ удовольствіемъ желаніе всѣхъ почтенныхъ Сочленовъ, буду говорить о добромъ другѣ нашемъ Ѳ. Ѳ. *Ивановѣ*. Скорбь душевная могла бы сдѣлать меня безмолвнымъ; но долгъ и обычай, сохраняемый столь достойно между нами, говорить о заслугахъ каждаго изъ своихъ Сочленовъ, и личное мое уваженіе, любовь и признательность къ покойному, заставляютъ меня посвятить любезной памяти его нѣсколько словъ. — Я представлю здѣсь только то, что мнѣ извѣстно, и буду доволенъ, если обновлю въ васъ другія сладостныя воспоминанія, которыми утѣшается истинная дружба. Знаю вѣрно, что *Ивановъ* долго будетъ, отсутственный, жить въ памяти вашей; долго еще въ дружескихъ собраніяхъ вашихъ будете чувствовать горесть, что его нѣтъ между вами. — Для меня утѣшительно и то, что освѣжу въ воображеніи вашемъ сіи глубокія и милыя впечатлѣнія.

Я постараюсь изобразить теперь нѣкоторыя только черты общественной и литературной жизни покойнаго *Иванова*.

Онъ былъ сынъ Генералъ-Маіора *Ѳедора Ивановича Иванова*, имѣвшаго счастіе служить нѣкогда въ числѣ тѣлохранителей блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы. — Добрый отецъ,

10676

кромѣ почтеннаго имени, ничего не оставилъ въ наслѣдство многочисленному семейству, котораго попечителемъ и питателемъ судьба назначила быть Ѳедору, старшему его сыну. Сей родился въ 1777 году въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Первыя лѣта воспитанія провелъ подъ надзоромъ покойнаго Профессора Математики Василья Кондратьевича Аршеневскаго, обучаясь между тѣмъ въ Гимназіи, существовавшей при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Тогда онъ уже находился въ службѣ Лейбгвардіи Семеновскаго полку унтеръ-офицеромъ, и числился въ домовомъ отпускѣ, до совершеннаго окончанія начатыхъ имъ наукъ. Въ 1794 году выпущенъ во второй морской полкъ Капитаномъ, и служилъ, во все продолженіе достославной брани противъ Шведовъ, въ полку дяди своего, Полковника Демидова. Въ сіе время, пылкое, пламенное воображеніе молодаго Иванова, безпрестанно созерцавшее дикіе и величественные феномены природы сѣверной, хотя унылой, но всегда разнообразной, обогатилось новыми картинами, которыя всегда любилъ покойный другъ нашъ, и которыя составили даже весьма замѣтное отличіе въ характерѣ его сочиненій. Сколь часто въ чувствованіяхъ восторга изображалъ онъ живописныя мѣстоположенія Финляндіи, сіи лѣса дремучіе, сіи скалы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, на которомъ изрѣдка встрѣчалися слѣды Финляндца, преслѣдую-

щаго звѣрей пустынныхъ, сіи грозные водопады, сей народъ вообще мрачный и печальный, сіи быстрыя рѣки, съ шумомъ низвергающіяся съ утесовъ каменныхъ; словомъ: сію спящую природу, доселѣ оживотворяемую только кое-гдѣ мелькающими огнями, сѣрымъ дымомъ и томными пѣснями звѣроловцевъ, но нынѣ возстающую, такъ сказать, изъ долговременнаго сна своего, освѣщенную и согрѣваемую уже тѣмъ *благотворнымъ Солнцемъ*, которое разсѣяло крамольный мракъ ада и грозныя, разрушительныя бури, столько времени висѣвшія надъ окованною узами рабства Европой, — *Солнцемъ Россійскимъ*, Кое съ высоты величія простираетъ лучи свои и на *послѣдняя земли*, — на высоты *Торнео!* Могли ли предчувствовать тогда молодые, безстрашные витязи наши, что они ступали по скаламъ отечественнымъ, и что ихъ шаги были первые, освящавшіе для отчизны ихъ сію новую область?... Что Ивановъ тогда чувствовалъ, то послѣ прекрасно изложилъ въ своемъ стихотвореніи одинъ изъ нашихъ же почтенныхъ Членовъ, Г. *Батюшковъ*, очарованный дикими и величественными картинами сего сѣвернаго предѣла земли твердой и населенной. — Ивановъ видѣлъ грозную Балтику со всѣми ея ужасами, и испыталъ всѣ опасности моря; онъ носился нѣсколько времени надъ симъ влажнымъ гробомъ, готовымъ ежеминутно раствориться; но вдругъ, — окованнымъ бурямъ водъ и вра-

ждамъ народовъ, — здравый ступилъ онъ на мирный берегъ, и облобызавъ отеческую землю, простился и съ морями, и съ кровавыми зрѣлищами Беллоны. Онъ вышелъ въ отставку въ 1797 году Капитаномъ. — Съ сего времени навсегда посвятилъ себя занятіямъ тихимъ и семейству, которое призывало его и требовало скорѣйшей помощи. — Послѣ двухъ лѣтъ отставки вступилъ онъ опять въ службу, и не перемѣнялъ ее, оставаясь всегда въ Москвѣ.

Свѣтозарный духъ вѣнчаннаго *Аполлона*, по высочайшемъ возшествіи на Престолъ Россійскій — какъ всеобъемлющій пламень и всеисполняющая жизнь, съ быстротой молніи разлился во всемъ тѣлѣ Имперіи великой; — сей духъ обратилъ все сіе громадное тѣло къ высокой предположенной *Имъ* цѣли такъ же скоро и сильно, какъ искусный кормчій обращаетъ единымъ движеніемъ руки своей корабль посреди волнующагося моря, и творитъ своими слугами и бурные вѣтры, и свирѣпыя воды. — По сердцу Екатерины! — изрекъ Онъ, и восторжествовали науки, ущедренныя, новый ходъ и порядокъ воспріявшія; необходимость, важность и польза ихъ прояснились въ лучахъ, отъ Престола текущихъ; любовь всеобщая воспылала къ нимъ отъ сихъ же лучей благодѣтельныхъ; однимъ словомъ: съ возшествіемъ на Престолъ Любознательнаго, Мудраго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, созидающаго храмы наукамъ, ученыхъ

ободряющаго и собственнымъ примѣромъ возвышающаго силу и благо познаній, — всѣ устремились съ необыкновеннымъ рвеніемъ къ совершенствованію Россійскаго слова. Мужи, знаменитѣйшіе по вліянію и власти своей, съ сладостнымъ удовольствіемъ преклонили слухъ свой къ произведеніямъ словеснымъ. Молодые Дворяне составили изъ утѣхъ Словесности свои любезнѣйшія занятія; и всякое званіе вообще обратило на нее взоръ свой, какъ на путь, ведущій къ истинной образованности, какъ на стезю къ благороднымъ почестямъ, законами указанную талантамъ, труду и справедливому любочестію. — Въ сіе время блистательно оказались охота, соревнованіе и вкусъ ко всему изящному; образовался снова тотъ господствующій духъ Публики, который нѣкогда оживлялъ и Дворъ, и знаменитыхъ гражданъ Имперіи въ началѣ царствованія мудрыя Екатерины, когда всѣ за честь поставляли себѣ или перевесть, или сочинить что-либо полезное, дабы соучастниками быть въ пріятныхъ, высокихъ трудахъ своей Августѣйшей Переводчицы и Сочинительницы. Сей духъ быстрый и благотворительный произвелъ весьма многія особенныя ученыя собранія литтературныя, въ которыхъ молодые люди, знакомствомъ или дружествомъ соединенные, сочиняли, переводили, разбирали свои переводы и сочиненія, и такимъ образомъ совершенствовали себя на трудномъ пути Словесности и

вкуса. Въ Петербургѣ и Москвѣ существовали таковыя Общества, незаботящіяся ни объ извѣстности своей, ни о выгодахъ, но живущія единственно удовольствіями, внутри самихъ себя заключенными, однимъ словомъ, наслажденіями ученія; — я говорю, о собраніяхъ дружескихъ, потому особенно, что я самъ во многихъ изъ нихъ участвовалъ, и сіе время жизни моей почитаю и всегда почитать буду самымъ счастливѣйшимъ, золотымъ, невозвратнымъ временемъ моей жизни. — Какъ восхитительно бывало намъ, еще отрокамъ, видѣть, посреди мирныхъ и уединенныхъ бесѣдъ своихъ, и старцовъ, знаменитыхъ отличными заслугами Отечеству, и мужей, присѣдящихъ кормилу правленія, которые съ отеческою, благосклонною улыбкою внимали нашимъ юношескимъ разговорамъ, слушали наши первые опыты въ сочиненіяхъ, увеселялись нашими мечтами, какъ мечтами младенцевъ, незнающихъ еще свѣта и будущаго своего жребія! Они умѣряли порывы восторговъ нашихъ, не убивая ихъ совершенно; давали намъ строгіе совѣты, не приводя насъ въ отчаяніе, и закрывая предъ очами нашими печальную, существенную будущность подъ завѣсою неизвѣстной отдаленности. Какъ пріятенъ былъ для насъ собственный образъ нашей жизни! Пламенная любовь къ литтературѣ, простыя, искреннія отношенія другъ ко другу, свобода, сладостная безпечность, плѣнительныя обво-

роженія фантазіи, взаимная довѣренность, любовь къ человѣчеству и ко всему изящному, стремительность къ добру, невинная, охотная, безкорыстная: вотъ что было жизнію нашихъ собраній, нашихъ разговоровъ, нашихъ дѣйствій! Въ сихъ-то дружественныхъ собраніяхъ въ первой разъ я узналъ покойнаго Иванова. — Съ такимъ человѣкомъ долго ли познакомиться и сблизиться тѣсно? — Скоро всѣ его полюбили; онъ сдѣлался общимъ нашимъ пріятелемъ: однѣ чувства, однѣ намѣренія; — и онъ совершенно вступилъ въ кругъ *дѣятельныхъ* Членовъ. — Мы строго критиковали другъ друга письменно и словесно, разбирали знаменитѣйшихъ писателей, которыхъ почитали образцами своими, разсуждали о всѣхъ важнѣйшихъ для человѣка предметахъ, спорили много и шумно за столомъ ученымъ, и разходились добрыми друзьями по домамъ. — Кругъ сей небольшой состоялъ изъ людей, которые занимаютъ теперь видныя мѣста въ Правительствѣ, а другіе столь достойно раздѣляютъ настоящія бесѣды сего Общества. — Ивановъ, морской нашъ витязь, страстно прилѣпился къ симъ пріятнымъ занятіямъ, и нашелъ въ нихъ, какъ бы награду за прошедшую безпечность и невольную разсѣянность. — Тогда, почувствовавъ въ себѣ недостатки въ предварительныхъ важнѣйшихъ знаніяхъ, относящихся къ Литтературѣ, занялся онъ особенно чтеніемъ. Самъ я былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ, что онъ проводилъ

все свое время въ разборѣ и замѣчаніяхъ своихъ на Риторику Ломоносова, на Курсъ Башё, Блера и другихъ писателей. — Онъ часто признавался, что началъ только учиться въ дружескомъ кругу нашемъ; откровенно передъ всѣми называлъ его благодѣтельною для себя школою, а друзей своихъ учителями. — Да простятъ мнѣ почтеннѣйшіе Члены, что я такъ много говорю о дружественныхъ нашихъ собраніяхъ и о занятіяхъ первыхъ лѣтъ нашихъ. Кто не обращается на нихъ съ сладостнымъ, съ умилительнымъ удовольствіемъ? Кто не почерпаетъ изъ благотворнаго кладезя минувшаго времени цѣлительнаго бальзама, укрѣпляющаго сердце на поприщѣ предлежащемъ? — И какъ могу я отдѣлить воспоминанія объ обществахъ нашихъ отъ воспоминаній объ Ивановѣ, когда онъ былъ ихъ душой, когда онъ всѣхъ насъ занималъ или забавною своею остротой, или искреннимъ своимъ добродушіемъ, или умными замѣчаніями! Свидѣтельствуюсь тѣнію покойнаго нашего друга, можетъ быть, и теперь невидимо витающаго надъ нами, что нѣтъ ничего драгоцѣннѣе и усладительнѣе тѣхъ лѣтъ, которыя проведены въ кругу родныхъ и ближнихъ, когда во всѣхъ еще чувства свѣжи и невинны, когда заботы тягостныя не отправляли ихъ убійственнымъ своимъ дыханіемъ, когда страсти не возмущали сердецъ, привязанныхъ къ занятіямъ благороднымъ, когда смотрѣли мы еще

на бурной міръ сей, чуждые міра, какъ будто съ другой какой нибудь планеты; или, такъ какъ мореходецъ съ вѣрнаго отечественнаго берега взираетъ на мрачное море, преплываемое рабами суетности, счастливцами и несчастливцами; — смотритъ на нихъ, и занимаясь спокойно въ тѣни деревъ, прохлаждающихъ его пріятныя занятія, спрашиваетъ съ невиннымъ любопытствомъ: для чего подвергаютъ они жизнь свою опасности? — Такова была наша молодость! — Кромѣ глубокихъ впечатлѣній, обыкновенно оставляемыхъ въ душѣ нашей минувшимъ временемъ, богатымъ или бѣднымъ въ удовольствіяхъ, тогдашнія дружескія бесѣды наши и потому для насъ достопамятны, что онѣ безъ всякаго сомнѣнія были предтечами, хотя не прямо, и сего открытаго Общества, Высочайшимъ соизволеніемъ одобреннаго. — Въ самомъ дѣлѣ, тогда вступить въ кругъ Литтературнаго Общества было для каждаго изъ насъ необходимою душевною потребностію, которая, преобразившись въ постоянную наклонность, имѣла великое вліяніе на всѣ происшествія нашей жизни; она составила для насъ связи, или пріятныя, или полезныя, но навсегда неразрывныя, опредѣлила кругъ нашей дѣятельности, открыла важныя мѣста и ходъ людямъ достойнымъ; а для нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ наполнила праздные или печальные промежутки жизни — множествомъ утѣшительныхъ и питательныхъ воспоминаній. — Ивановъ

былъ всегда дѣятельнымъ и любезнымъ Сочленомъ нашимъ.

Отличная привязанность его къ театральнымъ зрѣлищамъ, съ дѣтства ощущаемая, знакомства съ лучшими того времени актерами, каковъ былъ Померанцовъ, Плавильщиковъ, Шушеринъ и другіе, а болѣе Драматическія наши чтенія, вмѣстѣ съ обольщающею надеждою, посредствомъ сего рода сочиненій скорѣе сдѣлаться извѣстнымъ Публикѣ, заставили его испытать силы свои въ піесахъ театральныхъ. — Первые опыты его неизвѣстны подъ его именемъ: ибо онъ, начавъ въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ рѣшительно заниматься Литературою, не могъ быть ослѣпленъ похвалами неопредѣленными. — Онъ говорилъ мнѣ о многихъ піесахъ переводныхъ и сочиненныхъ, какъ о грѣхахъ своей молодости, хотя они и по сіе время иногда играются еще на театрѣ; но я не имѣю права объявлять ихъ, и думаю, что это не нужно. Нашъ Авторъ сдѣлался особенно извѣстнымъ публикѣ піесами своими: *Не все то золото, что блеститъ*; *Женихи*, а наипаче *Семействомъ Старичковыхъ*, какъ такою піесою, посредствомъ которой хотѣли отомстить за себя злонамѣреннымъ иностранцамъ — истинная любовь къ Отечеству и Музы искусствъ отечественныхъ, столь недостойно пренебрегаемыя нѣкоторыми ослѣпленными приверженцами ко всему иноземному. — Сія піеса имѣла блистательнѣйшіе успѣхи, и вѣроят-

но, удержится еще долго на театрѣ, подобно тѣмъ немногимъ твореніямъ, въ которыхъ удачно изображенъ порокъ, или погрѣшность, къ нещастію, господствующая въ народѣ. — Сіи погрѣшности рѣдко и тяжело изтребляются, а потому и весьма долго счастливый талантъ можетъ на нихъ дѣйствовать, — пускай даже тщетно; но за то въ глазахъ публики онъ живетъ столь же продолжительно, какъ онѣ сами, и наконецъ переживаетъ ихъ, какъ побѣдитель, или благонамѣренный содѣйствователь ко благу общему, какъ укоризненный органъ чистѣйшей нравственности! — Такъ остаются на театрѣ до сего времени піесы, которыя, кажется, не принадлежатъ уже къ нашему времени. — Когда на пр. забудемъ мы *Недоросля*, *Мѣльника*, *Хвастуна*, *Чудакова* и проч.? Подлѣ сихъ Комедій по всей справедливости будетъ стоять Иванова *Семейство Старичковыхъ*. Я не стану теперь разбирать критически сихъ піесъ; для этаго нѣтъ ни времени, ни приличія. Довольно сказать, къ чести почтеннаго Автора, что въ цѣломъ сочиненіи характеры выдержаны сильно и вѣрно; ходъ дѣйствія простой и натуральной, слогъ приличной каждому лицу и обстоятельству. Знатоки Театра иногда укоряли нашего Комика въ нѣкоторомъ излишествѣ при изображеніи лицъ и въ слишкомъ смѣлыхъ выраженіяхъ;— это излишество принадлежитъ не одному Иванову: оно общее многимъ нашимъ ко-

микамъ. — Покойный самъ часто изъяснялся, что онъ не хотѣлъ *теребить*, но желалъ *поражать* пороки рѣшительнымъ оружіемъ. — Этотъ оттѣнокъ оказывается и въ слогѣ самаго фон-Визина. Онъ дѣйствительно происходитъ не столько отъ недостатка вкуса, сколько отъ свойства генія, отъ обстоятельствъ его жизни, нещасливыхъ, ожесточительныхъ, или отъ привычекъ своенравныхъ, непобѣдимыхъ, какъ сама природа. Сверхъ того, всякой волент избирать для достиженія цѣли своей тотъ или другой ходъ, тѣ, или другія средства. — И кто имѣетъ право ихъ назначить, или ограничить? — Каждой живописецъ-Геній, отличаясь большею или меньшею яркостію своихъ красокъ; каждой, имѣя свой штиль въ рисовкѣ: всѣ между тѣмъ оставили намъ драгоцѣнныя картины. — Точно то же можно сказать о стихотворцахъ. Шекспиръ, Корнель, Шиллеръ, Вольтеръ, Гёте, Расинъ шли по разнымъ дорогамъ, обработывая одинъ и тотъ же родъ: всѣ нравились и нравятся. — Если нашъ Ивановъ успѣлъ въ этомъ, то и онъ сдѣлалъ свое дѣло. Около сего же времени сочинилъ онъ Трагедію свою *Марвц Посадницц*, и перевелъ съ Французскаго Трагедію *Робертъ*, или *Атаманъ разбойниковъ*, передѣланную изъ извѣстной Нѣмецкой Шиллера, подъ названіемъ *Разбойники*. Обѣ піесы имѣли сперва одинакую участь; ихъ не пустили на сцену по неизвѣстнымъ нѣкоторымъ причинамъ. Но *Робертъ* послѣ

былъ игранъ неоднократно, и нынѣ играется. О сей послѣдней Трагедіи сказать нечего: ибо, кромѣ слога, Русскому писателю ничто не принадлежитъ. Въ *Маревѣ Посадницѣ*, никогда неигранной, много мѣстъ прекрасныхъ. Завязка Трагедіи очень хороша, и принадлежитъ собственно Автору; подъ симъ словомъ разумѣю то, что она ни мало не основывается на тѣхъ историческихъ преданіяхъ, которыя относятся къ сему предмету. Стихотворство также удачно; и не смотря на то, что Авторъ любилъ употреблять часто острыя мысли, или такъ называемыя, сентенціи, дѣйствіе Трагедіи ведено легко и быстро. Вообще всѣ правила Драмы соблюдены столько, сколько позволяли выгоды занимательности и средства искусства. Сія Трагедія напечатана за нѣсколько времени до нашествія Французовъ, и вѣроятно пропала, ибо теперь найти ее весьма трудно. Прежде нежели покойный Маринъ началъ переводить *Меропу*, переводъ Иванова сей піесы былъ уже готовымъ; но первой явился скорѣе въ Петербургѣ, и нашъ Переводчикъ не могъ имѣть удовольствія увидѣть въ представленіи свою піесу. Но это ни мало его не огорчало. Будучи привязанъ постоянною любовію къ Словесности, онъ рѣшился выправлять свой переводъ болѣе и болѣе, дабы его послѣ, по крайней мѣрѣ, напечатать.— Успѣхи трудовъ своихъ показалъ онъ чрезъ многіе отрывки въ Вѣстникѣ Европы и въ Трудахъ нашего Общества. Сіи отрывки

обѣщали, что со временемъ обогатится Драматическая наша Поэзія еще однимъ хорошимъ преложеніемъ съ театра Французскаго. — Наконецъ переводъ сей былъ оконченъ за полгода до вшествія непріятеля, и, къ несчастію, также сгорѣлъ вмѣстѣ съ другими книгами и бумагами Переводчика. — Ни слова, ни вздоха не слыхалъ я отъ Иванова въ сіе смутное время ни объ утратѣ предметовъ, любезнѣйшихъ для его сердца, ни о потерѣ дома и имѣнія; и о бумагахъ своихъ также не говорилъ онъ ни слова; но въ бытность еще въ Арзамасѣ опять началъ переводить свою Меропу. Почтенная твердость питомца Музъ въ обстоятельствахъ столько несчастливыхъ! — „Прежній переводъ мой, говорилъ онъ мнѣ, имѣлъ слабости, которыя чувствую; испытаю, не удастся ли мнѣ перевесть теперь лучше, и надѣюсь это сдѣлать потому, что необыкновенныя хлопоты все старое совершенно выгнали у меня изъ головы.“ — Одинъ отрывокъ новаго перевода помѣщенъ въ *Амфіонѣ*, въ изданіи котораго онъ участвовалъ, а другой въ 5 й Части Трудовъ сего Общества. Кажется, можно найти еще два акта этой Трагедіи. Смѣло сказать могу, что слогъ въ семъ послѣднемъ переводѣ несравненно лучше того, по которому играютъ теперь на театрѣ, какъ на Петербургскомъ, такъ и здѣшнемъ. Сверхъ того Г. Ивановъ оставилъ весьма много сочиненій мѣлкихъ стихотворныхъ и прозаическихъ,

изъ которыхъ большая часть напечатана въ журналахъ. Онъ писалъ басни, пѣсни, элегіи, эпистолы и другія піесы, которыя, не имѣя обыкновенной лирической формы, заключаютъ въ себѣ всѣ достоинства слога и хода сего высокаго рода Поэзіи. — Напомню здѣсь только, истиннымъ патріотизмомъ вдохновенныя, пѣсни его на изгнаніе непріятеля и на кончину Князя Голенищева-Кутузова. Нѣкоторыя басни удачны; пѣсни, требуя слога и вкуса особенно изящнаго и нѣжнаго, не были его родомъ. Въ его элегіяхъ дышетъ томное, живое, пылкое чувство молодаго человѣка, умѣющаго раздроблять всѣ переливы могущественнѣйшихъ и очаровательнѣйшихъ страстей. Впрочемъ онъ былъ часто щастливымъ поэтомъ — живописцемъ природы, особенно унылой и величественной. Во всѣхъ его сочиненіяхъ болѣе, или менѣе отзывается характеръ сатирической.

Скажемъ вообще объ его слогѣ, и вспомнимъ, что онъ самъ любилъ слушать о себѣ сужденія, требовалъ ихъ отъ всѣхъ и охотно, повиновался всегда совѣтамъ друзей своихъ, при всей своей пылкости. Если справедлива мысль Философа, что по слогу можно всегда угадывать свойства душевныя самаго писателя, то это правило весьма хорошо можно отнести къ слогу Г-на Иванова. Онъ въ своихъ писаніяхъ столько же былъ открытъ, какъ въ своихъ поступкахъ и обращеніи. — Впро-

чемъ отличаются сочиненія его привлекательною остротою, гибкостію, силою мыслей и чувствованій, иногда обращенныхъ въ сторону критическую, иногда дышущихъ истинною добротой и участіемъ въ общихъ печаляхъ человѣчества. Отчасти пылкость сихъ движеній, отчасти недостатокъ навыка, столь обыкновенный въ человѣкѣ, который провелъ лучшія лѣта свои подъ знаменами Марса, были причиною, что слогъ его часто неисправенъ и небреженъ. Онъ не могъ имѣть надлежащаго терпѣнія обработывать свои піесы до послѣдней степени исправности; при чтеніи его сочиненій часто желаешь бо́льшей чистоты, нѣжнѣйшей разборчивости и точности въ мысляхъ и выраженіяхъ: за то говоритъ въ нихъ всегда чувство, оживленное непринужденнымъ и пылкимъ воображеніемъ, и весьма, весьма рѣдко можно встрѣтить натяжку, выисканность, напыщенность или неумѣстную кудреватость въ слогѣ. — Такое-то послѣдствіе ожидаетъ всѣхъ тѣхъ молодыхъ людей, которые, обольщены будучи своимъ талантомъ, часто мнимымъ, презираютъ всѣ правила и не изучаютъ ихъ въ свое время, основываясь на ложно понимаемой ими пословицѣ: *Poetae nascuntur, Поэты родятся!* Если бы Ивановъ съ первыхъ дней своей молодости постоянно посвятилъ себя Музамъ, если бы его не развлекали долгое время занятія по службѣ, заботы по семейству и другія непредвидѣнныя обстоя-

тельства, то можно было бы надѣяться, что онъ современемъ будетъ или сатирикъ, или комикъ. Мнѣ кажется, что Природа хотѣла образовать въ немъ строгаго и грознаго Ювенала; но судьба не благоволила докончить начатаго Природой. — Ивановъ получилъ отъ нее все потребное, но не имѣлъ, въ надлежащей мѣрѣ, ни способовъ, ни времени благопріятнаго, ни свободы для совершеннѣйшаго образованія талантовъ драгоцѣнныхъ, приобрѣтаемыхъ упражненіемъ и навыкомъ, не имѣлъ въ надлежащей степени изящнаго слога!... Впрочемъ надобно помнить и то, что литература была только отдохновеніемъ его во все продолженіе жизни среди другихъ важнѣйшихъ упражненій. О! какъ пріятно воспоминать нравственныя изящества души его!.. Алмазъ и въ корѣ алмазъ. Истинное дарованіе, душа благородная, добрая, чувствительная, видима была всегда чрезъ покровъ, хотя прозрачной и негрубой, но, можетъ быть, не довольно обработанной для прихотливой нѣжности свѣта! — Въ литературѣ слогъ самое важное: онъ часто замѣняетъ все; а недостатка его ничто и никогда замѣнить не можетъ.

Урокъ для всѣхъ молодыхъ стихотворцевъ!... урокъ, произносимый надъ памятникомъ любезнаго, незабвеннаго Иванова, который самъ чувствовалъ его въ полной мѣрѣ, сожалѣлъ объ утраченныхъ лѣтахъ, старался всѣми силами вознаградить ихъ потерю, и чистосердечныя,

доброжелательныя свои правила повторялъ всѣмъ, кои требовали дружескаго его совѣта. Вообще характеръ нашего стихотворца и пріятеля составляли: доброта, справедливость ко всѣмъ и вездѣ, честность неизмѣнная, веселость и живость постоянная. — Въ обхожденіи своемъ всегда онъ былъ простъ, любезенъ, открытъ и свободенъ, особливо съ ближними: любилъ говорить колкія остроты, и въ угожденіе сей маленькой прихоти рѣдко щадилъ тѣхъ, которые заслуживали ихъ; но всѣ, зная хорошо его сердце, никогда на это не сердились; напротивъ того желали его слушать, и даже сѣтовали, когда онъ бывалъ въ необыкновенномъ расположеніи своего духа. Сослуживцы называли его всегда соловьемъ своимъ. — Будучи горячъ, вспыльчивъ въ первомъ движеніи, онъ никогда не позволялъ симъ впечатлѣніямъ досады оставаться надолго въ своемъ сердцѣ: тотчасъ, или уходилъ, или пребывалъ на нѣкоторое время безмолвнымъ, и наконецъ, преодолѣвъ себя, первый стремился въ объятія къ тому, кого оскорбилъ. Всѣ знакомые и пріятели почитали его душею бесѣдъ своихъ. Ласковъ, забавенъ, остръ, необыкновенно богатъ пріятными анекдотами, искусный разскащикъ, онъ соединялъ сіи достоинства обхожденія съ умомъ здравымъ, проницательнымъ и твердымъ. Примѣры доброты его, великодушія, склонности къ благотворенію, извѣстны, хотя онъ въ семъ случаѣ весьма былъ скроменъ. Доброй

хлѣбосолъ, затѣйливый безъ роскоши, угождающій безъ униженія и безъ видовъ, благородный безъ гордости, онъ приобрѣлъ друзей и удержалъ ихъ дружбу постоянно. Всякому честному человѣку, по Литературѣ извѣстному, довольно было увидѣться съ нимъ одинъ разъ, и они уже становились пріятелями. — Тѣ, которые по службѣ, или по другимъ какимъ-либо обстоятельствамъ, имѣли съ нимъ дѣло, и теперь отзываются, и всегда отзываться будутъ о поведеніи его, какъ истинно благородномъ и никогда неизмѣняющемся; и дѣйствительно, всякой почиталъ за удовольствіе войти съ нимъ въ какія либо отношенія и связи. Хотите ли разсматривать его, какъ отца семейства? — Не говорю о неутѣшной печали нѣжнѣйшей и доброй супруги, которую столь пламенно любилъ онъ, и которая всегда составляла и радость и счастіе его жизни съ двумя милыми малютками, не понимающими еще теперь потери своей: — всѣ родственники, изъ двухъ, трехъ и болѣе семействъ состоящіе, лишились въ немъ общаго своего друга, лучшаго семьянина, совѣтователя искренняго, примирителя, сына попечительнаго, брата усерднаго, всегда готоваго вѣрно и постоянно на услуги и на вспоможеніе. — Слезы ихъ долго не осушатся, скорбь ихъ останется вѣчною объ утратѣ, ничѣмъ не замѣняемой! Представить ли его, какъ друга?... Но для чего говорить объ этомъ предъ ва-

ми? — Мѣсто его еще не занято: — въ глазахъ, сердцахъ вашихъ живъ его образъ, живъ его голосъ, живы его поступки; — среди васъ останется душа его навѣки; онъ вамъ ее передалъ въ тѣхъ милыхъ, сладостныхъ связяхъ, которыя составляли счастіе дней его, которыя однѣ удовлетворяли благородному его честолюбію. — Съ этой стороны онъ дѣйствительно былъ счастливъ: ибо — кто не любилъ его?... Что сказать объ немъ, какъ о сынѣ Отечества, какъ о гражданинѣ? — Патріотизмомъ дышалъ нашъ Поэтъ любезный!... Онъ никогда не могъ безъ восторга, безъ изступленія разговаривать о милой своей родинѣ, о великихъ ея Герояхъ, о прошедшихъ страданіяхъ и усиліяхъ Отечества, о настоящей славѣ, о будущемъ его величіи и благоденствіи!... Всѣ сочиненія исполнены симъ священнымъ и сладостнымъ чувствованіемъ. —

Доброй другъ нашъ скончался послѣ продолжительной болѣзни прошедшаго Августа 31 го числа (*), какъ Христіянинъ. — Благодатная, утѣшительная Религія, всегда имъ свято почитаемая, принявъ его съ одра мучительной болѣзни, спокойно и тихо предала въ руки сестрамъ своимъ божественнымъ: Надеждѣ и Любви безсмертной. —

(*) 1816 Года. Это читано вскорѣ послѣ его кончины.

Я потерялъ въ немъ искренняго, постояннаго, почтеннаго друга, съ которымъ провелъ лучшія лѣта своей жизни!... Я много обязанъ ему и словомъ и дѣломъ. — Никогда не забуду тѣхъ прелестнѣйшихъ вечеровъ, когда мы одни, въ уединенномъ кабинетѣ, разсуждали о важнѣйшихъ истинахъ, касающихся до человѣчества, о нашемъ истинномъ и мнимомъ счастіи, о нашихъ драгоцѣннѣйшихъ видахъ и упованіяхъ. — Какъ сладостно было съ нимъ и спорить, и сомнѣваться, и быть побѣжденну, или побѣдить въ словопрѣніяхъ! — Кажется, я подобенъ теперь страннику, утомленному уже на пути своемъ, лишенному многихъ спутниковъ важныхъ и любезныхъ, — страннику, который при свѣжей могилѣ своего друга, облокотясь на бѣлый камень, оплакиваетъ самъ все, что потерялъ уже невозвратно, и что впередъ неизбѣжимо потерять долженъ.

Миръ праху твоему, другъ любезный! Друзья твои тебя помнятъ и сѣтуютъ о своей утратѣ; нѣжная супруга и всѣ родные проливаютъ слезы; всѣ знавшіе тебя пріемлютъ справедливое сердечное участіе въ ихъ горести. — Почтенное Сословіе, въ которомъ ты былъ столь полезнымъ Членомъ, воздвигнетъ тебѣ особеннаго рода памятникъ: оно оживитъ твои добрыя, любезныя качества въ твоихъ твореніяхъ (*), и заставитъ ихъ дѣйствовать

(*) Общество приняло на себя изданіе сочиненій Ѳ. Ѳ. *Иванова*, и поручило собрать ихъ

и говорить, во благо и пользу ближних, которых ты столько любил въ своей жизни, — заставит говорить еще долго и долго послѣ твоей кончины. . . .

А. Мерзляковъ.

Гг. Дѣйствительнымъ своимъ Членамъ *Алексѣю Ѳедоровичу Мерзлякову*, *Михайлѣ Николаевичу Макарову* и Г. Сотруднику *Алексѣю Ѳедоровичу Чаплину*. Смтр. Протк. Обществ. 1818 года.

W92

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
MAY JUNE 1989
We're Quality Bound